

2008

Berg's Diary. – The Plant Anatomy

Victor Fet

Marshall University, fet@marshall.edu

Follow this and additional works at: http://mds.marshall.edu/bio_sciences_faculty

Part of the [Poetry Commons](#), and the [Russian Literature Commons](#)

Recommended Citation

Фет, Виктор. Дневник Берга. – Анатомия растений. «Мосты» (Франкфурт), 2008, 19, с. 191–196. [Fet, Victor. Dnevnik Berga. Anatomiiia rastenii. [Berg's Diary. The Plant Anatomy.] Mosty (Frankfurt), 2008, 19: 191-195. (two poems in Russian)]

This Article is brought to you for free and open access by the Biological Sciences at Marshall Digital Scholar. It has been accepted for inclusion in Biological Sciences Faculty Research by an authorized administrator of Marshall Digital Scholar. For more information, please contact zhangj@marshall.edu, martj@marshall.edu.

МОСТЫ

19

2008

Дневник Берга

1.

Рассматривая поры и каверны,
я отделяю пустоту от света,
пролистывая записи свои.
Завороженный свойствами предмета,
я очищаю истину от скверны
и разбираю древние слои.

В прогрессе человеческого рода
я вижу очевидные следы
не просто генетического кода,
не только окружающей среды,
но третий фактор, третий компонент:
эмульсия несмытых кинолент;
немыслимое пиршество для глаза;
суть воздуха, огня, воды, земли —
сокровища, достойные рассказа,
под микроскопом Берга расцвели.

2.

Что ж я открыл, о чем ни Карл фон Бэр,
ни Шванн, ни Шлейден не подозревали?
В особо отшлифованном кристалле
какой расшифровал античный свиток?
Каких достиг мельчайших, дробных сфер,
структур и отложений? Что нашел
я в дымной глубине застывших смол,
янтарный миллионолетний слиток

просверливая огненным лучом,
как будто в некий рай своим ключом
дверь открывая?..
Сотни мелких меток,
подобно тем, что шьются на белье,
сидят в основе всех существ и клеток,
сплетя сознание и бытие.

В кавернах наших душ живут частицы,
создания бездонной глубины,
возничие всемирной колесницы,
хранители невидимой страны.
Они древнее клетки и кристалла,
первичнее клетчатки и белка;
их мудрость жизнь еще не перестала
копировать рукой ученика.

Я это все здесь говорю к тому,
что эти-то создания и дали
толчок исходный нашему уму.
(я опускаю многие детали).

3.

Иначе говоря — свернув с дороги,
где все решают гены или боги,
я продираюсь сквозь густой репей
на пустырях теории; и снова
в строении наследственных цепей
я чувствую присутствие чужого,
текучего и древнего ума,
наличие особого клавира —
как будто бы история сама
осела пленкой на основах мира.

Как на музейном дивном полотне,
мне виден результат ее работы:
на сдвоенном хрустальном волокне,
идушем через радужные соты,

есть сонм частиц, плетущих нерв и мозг,
вбирающих энергию и время,
так пчелы мед упрятывают в воск,
так сладкий плод в себе содержит семя —
и эти обитатели как раз,
похоже по всему, создали нас.

4.

Что скажут обо мне через пятьсот
унылых лет? Допустим, так: «Отверг
наш мир естествоведческую веру.
Теперь река забвения течет
размеренно. И прутик лозоходца
носить приятней, чем всю жизнь бороться
за истину. А вот аптекарь Берг
пытался утвердить свою манеру
анализа и синтеза, но зря:
у нас настала новая пора;
нам лучше жить, не зная, не смотря,
не думая; реторты и пера
труд не для нас; на миллионы лиг
давно уж нет ни опытов, ни книг.
Живем мы без срывания личин,
зато обходимся без зуботычин,
наш мир крупнозернист и холистичен,
не надо в нем искать первопричин», —
такой вердикт они произнесут.

А я, когда бы призван был на суд
потомков, копошащихся под гнетом
эмпирики, в их Эмпиреях квелых —
рассказывать о поисках чудес,
о призрачных, немислимо тяжелых,
забытых временах; о том, как лес
ровербиальный нам из-за стволов
увиделся — не стал бы. Мой улов
вытаскиваю я на дикий берег,
не пользуясь вниманием коллег.

5.

Коллег, признаться, не имею я.
Коллега в нашем веке есть калека:
в обозе у медлительного века
галдят они, как стая воронья,
а то еще, как чайки или крачки,
когда у нищей лодки рыбака
они слетятся в поисках подачи,
пока сильна дающего рука.

Мне не противно званье мизантропа;
мне кошелька не выдаст меценат;
мой мир — под светлым кругом микроскопа,
в скрещении иных координат.
Там — новый, смелый мир, уже привычный;
частицами взволнованного света
он выгравирован, как ширь морей
вспененная, ярящаяся; личный
мир, скрытый позади моих дверей;
мой мир натуралиста и поэта.

А что сказал бы Левенгук, мой брат
по цеху? Он-то точно был бы рад.

6.

Так я, Карл Людвиг Берг, аптекарь в Риге,
произношу вердикт в амбарной книге,
как акванавт, достигнув глубины.

Здесь вечности слои застеклены.
На полках мириад моих флаконов,
с ретортами и вытяжкой рядом,
доказывает подлинность законов,
которые аптекарь Берг постиг
не от профессоров и не из книг,
а собственным умом и цепким взглядом.

И всякий, кто откроет мой дневник,
готические буквы разбирая,
поймет, конечно же, что я проник
в преддверия утраченного рая —
который есть не выдумка, не миф,
не обещание посмертной веры,
хранемое в чулане про запас, —
а *память*. Может быть, ее открыв,
теперь мы станем лучше. Ведь для нас
имеют смысл старинные примеры.

1—8 февраля 2008

Хантингтон

Анатомия Растений

Еще никто не брал в поэмы
Всей анатомии анналы,
Сосуды нежные флоэмы,
Ксилемы мертвые каналы.

Тома и атласы листая,
Мы убеждаемся, что снова
Листа и корня жизнь простая
Предупреждает наше слово.

И гифы тонкой микоризы,
Как мифологии живой,
Таят волшебные сюрпризы
Вблизи системы корневой.

И генетические коды
В сплетеньи клеток и клетчаток
На философию природы
Накладывают отпечаток.

Авторы этого номера

Геннадий Головин

Георгий Турьянский

Маргарита Кучукова

Ирина Емельянова

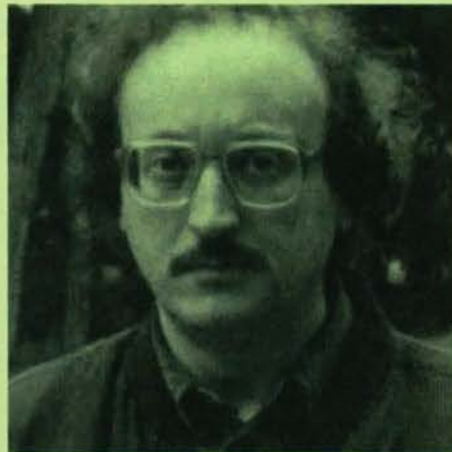
Андрей Кучаев

Николай Боков

Виктор Фет

Эдуард Бернгард

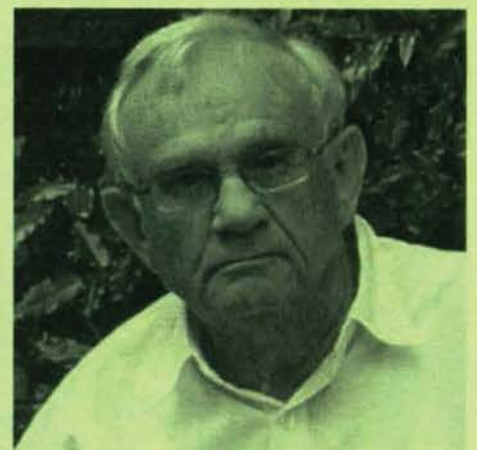
Михаил Ландбург

Василий Бетаки

Игорь Шестков

Ефим Макаровский